

Глобус информ

С Днем Победы!

День Победы над фашизмом 9 Мая - светлый, искренний, объединяющий и никого не оставляющий равнодушным. Он был мечтой миллионов людей, надеждой, которой жили и ради которой умирали. В этом году мы отмечаем его в **75-ый раз**.

С одной стороны, неисчислимые жертвы и невероятные страдания, реки крови, миллионы загубленных и искалеченных судеб. А с другой - вера в светлое мирное будущее, победа над лютым врагом, торжество справедливости.

Традиционно, с момента основания ИЦ «Глобус», в День Победы 9 Мая мы собираемся вместе, чтобы почтить минутой молчания память о родных и близких, поделиться воспоминаниями, которые бережно хранятся и передаются в наших семьях: нам - от родителей, а от нас - нашим детям.

Но как видите, объявления в газете нет. В этом году, чтобы не нарушать условия карантина, каждый из нас отмечает этот День дома. Будем поздравлять друг друга по телефону, через социальные сети или даже просто мысленно. Но ведь от этого значение Дня Победы не уменьшается!

Как только появится такая возможность, мы пригласим вас в «Глобус», подготовим интересную программу, пообщаемся, попробуем вкусные угощения - и вместе отметим этот Праздник.

Желаем вам, дорогие наши читатели, мирного неба, гармонии и взаимопонимания, добра и процветания, крепких семейных и родственных взаимоотношений, тёплого общения и долгих счастливых лет жизни. Пусть этот Праздник оставляет слёзы счастья и трогательную радость в сердцах, объединяя души!

Будем достойными памяти наших победивших соотечественников!

Коллектив ИЦ «Глобус»

В этом выпуске газеты собраны рассказы и воспоминания наших авторов о своём военном и послевоенном детстве, о судьбах родителей и других родственников в годы войны, о подвиге советского народа, о том, каким запомнился им День Победы 9 Мая 1945г.

Присылайте и вы свои рассказы, мы их обязательно опубликуем и разместим на нашем сайте в рубрике «Бессмертный полк».

Светлана Бараненко

Правда и память о войне не погаснут!

Из своего далёкого военного детства я вынесла те страшные сведения о войне, которые потом стали моими воспоминаниями. С этой памятью я живу и сегодня - наверное, как и каждый, кто пережил это горе и эти страдания. Разве можно забыть того почтальона, который принёс похоронку моей тёте и плакал вместе с нами?! Говорили, что он носил с собой валерьянку постоянно.

А какое горе пришло в наш дом, когда моя мама получила извещение о папе: «Пропал без вести!»

И остались после него только четыре письма с фронта, которые мы перечитывали всю жизнь (сейчас эти пожелтевшие письма хранятся у моей дочери).

В памяти остался эпизод последнего свидания с моим дорогим папой на аэродроме, где он поил меня компотом из поллитровой баночки...

Я с мамой 17 июля 1942г. в день моего пятилетия. Мама отправила эту фотографию на фронт, но она вернулась. Папа погиб 18 июля 1942г., на следующий день после моего дня рождения

Я никогда не забуду 9 мая 1945г. Мы жили в Омске. Когда Левитан объявил о Дне Победы, женщины, как обезумевшие, бежали на вокзал. Вместе с ними бежала и моя мама. А хозяин нашей квартиры кричал ей вслед: «Анюта, вернись, его нет, он погиб!».

*4-ый класс.
Любимая учительница Завардей Нина Ивановна.
Я за третьей партой*

Послевоенные годы я, уже повзрослевшая, хорошо помню. Помню, как наша дорогая учительница Нина Ивановна стелила на столах (парт не было) газеты и вычёсывала девочкам вшей; как она водила нас, детей погибших отцов, в железнодорожную столовую, усаживала по двое (друг против друга), ставила миску супа и считала: «Ты - ложку, ты - ложку». А сама была голодная.

Я помню, как мимо нашего дома вели на работу пленных немцев. Но у меня (не знаю почему) не было к ним ненависти.

Мне запомнился эпизод из фильма «Сыновья уходят в бой», когда героиня Нины Ургант разрывает материю на тряпки для обмороженного молоденького солдата: «Какой же он немец - дитя совсем!».

Хочу привести отрывок из одной газетной статьи: «Отравленные пули, которыми стреляют сейчас в Великую Отечественную, пролетают мимо меня. Мне всё равно, с какого дубля был снят солдат, забирившийся на купол рейхстага со знаменем. Есть главный факт: он **водрузил** знамя мира. Мне всё равно, кем были по национальности солдаты 1-го Украинского фронта, вошедшие в концлагерь Аушвиц. Есть главный факт: они **освободили** заключённых. Мёртвые сраму не имут, они своё бессмертное дело сделали. Ну а чем прикроют свой срам собирающие грязь о войне, обливающие мазутом советские памятники или продающие медаль «За победу над Германией» за 19,99 Евро...».

Как прав был Владимир Высоцкий, написав: «Наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие - как часовые».

И пока будет ещё жить моё поколение, правда и память о войне не погаснут!

Софья Шаевич

Иногда свои мысли о войне наши авторы выражают в стихотворной форме - эмоционально и искренне.

Света к доктору пришла,
Попросила Света:
Ты статью нам напиши,
Ждёт её газета.

Про тяжёлую войну,
Что пришла, не ждали,
Боль, потери и беду,
Смерти и печали.

Про лишенья, горе, страх,
В доме похоронки,
Не вернувшихся отцов
И от бомб воронки.

Как взрывались поезда
С бабушкой и мамой,
Оставляя навсегда
В детских душах раны.

Про победу напиши
И про память нашу,
Что героям той войны
Долг наш не погашен.

Про молоденьких ребят
И девчонок наших -
Тех, что в бой ушли. В бою
Без вести пропавших.

Тех, кто память не предал,
Пряча похоронки.
Кто всё время верил, ждал:
Мамы, дочки, жёнки.

Не был я на той войне.
Не убит, не ранен,
Не расстрелян, не сожжён,
Не могильный камень.

Не был я на той войне.
Лишь портреты деда.
Верю я, у нас одна
На двоих победа.

Столько лет прошло с тех пор...
Но в начале мая
Я несу его портрет,
К сердцу прижимая.

Света к доктору пришла,
Попросила Света...
Знаю я, у нас одна
На весь мир Победа.

Геннадий Шаевич

*Какая б жизнь, какая б весть,
Какая б дрожь меня не была -
Пока со мною всё, что было,
Дотопле буду я и есть.*

Я родилась в августе 1940-го и помню себя очень рано. Жили мы в Плющево (сейчас Волгоградский проспект Москвы). В палисаднике дома цвели «золотые шары». Помню свою кроватку и холод зимой, когда маме приходилось топить печку книгами. Папа работал в НИИ, он носил с собой томик любимого Чехова (наверное, боялся, что вдруг сожгут по неосторожности). Когда папа погиб (мама не верила и продолжала ждать его много лет), мы переехали на посёлок им. Калинина, г. Люберцы, к маминной сестре Люсеньке и бабушке.

Посёлок - это пара десятков пятиэтажных кирпичных домов при заводе сельхозмашиностроения им. Ухтомского, переоборудованного в военный объект, где люди (в основном это были женщины) работали сутками.

В квартире кроме нас жили ещё три семьи, всего 16 человек. В каждой комнате (10-15 кв.м) - по четыре человека и больше. Соседей наших вспоминаю с очень светлым и тёплым чувством. С некоторыми из них дружили потом всю жизнь. Любила худенькую светловолосую Лидочку, которая шила мне тряпочные симпатичные куколочки и наряды для них. В квартире жил Шурка, говорили, что он вор-карманник, но двери у всех были нараспашку, и для нас он считался заступником.

Хорошо помню бомбёжки. Мы спускались в подвал дома, где было бомбоубежище. Люсенька, которая работала в Управлении завода недалеко от нашего дома, в это время бежала по улице узнать, не случилось ли что с нами...

Зарабатывали мама с бабушкой продажей красивых разноцветных платков. У нас имелись станки в форме треугольников со сторонами примерно полтора метра, по краям которых были набиты гвозди. Нитки сами окрашивали в разные цвета. Их вставляли затем в спицы, и по разноцветной канве создавали рисунок. До сих пор с болью вспоминаю красные замёрзшие руки бабушки, когда она возвращалась с рынка с вырученными деньгами. Мне она покупала тарелочку вкусного варёного сахара, напоминающего современную «коровку», казавшегося тогда лучшим гостинцем. Выручали нас вкусная ароматная американская тушёнка и омлет из порошка.

Было у нас два огорода: белый и чёрный. На белом (песчаном) выращивали картошку, а на чёрном - свёклу, морковь и редиску. Носили воду вёдрами из ближайшей канавы.

Наташа, 1946г.

Иногда, особенно когда слышали по радио хорошие новости с фронта, сосед Пётр Иванович Соколов запевал свою любимую песню под гармошку «Когда б имел златые горы и реки, полные вина». В нашей семье под Люсенькин аккомпанемент на пианино пели «С берёз неслышен, невесом слетает жёлтый лист», «На позиции девушка провожала бойца»...

Ещё помню, как во время войны или сразу после неё каждый день на работу вели пленных немцев. Очень худые, словно тени, в серых каторжных одеждах, они шли между нашим домом и забором завода с натянутой сверху колючей проволокой. Их сопровождали охранники с овчарками. Знали, что это враги, но почему-то было их ужасно жалко. Мы, дети, пытались дать им хлеб. Собаки лаяли на нас и рвались с цепей. Иногда (я уже училась в школе) мне снился этот высокий заводской забор с колючей проволокой и часовой с ружьём на вышке.

Вспоминая военные годы, не могу избавиться от звучавших иногда на лестнице криков и воя соседей, получивших похоронки; от вида участников войны, потерявших ноги (они передвигались на самодельных низких платформах с колёсиками, руками отталкиваясь от земли). В Люберцах около рынка и на Привокзальной площади их было множество, особенно сразу после войны. Некоторые продавали семечки в газетных кулёчках; другие ждали, когда в их шапки бросят монеты; третьи, одетые в шинели, пели в электричках военные песни, прося подаяние.

Уже в 1970г., устанавливая газовое оборудование в пос. Малаховка, Красково, Томилино, я видела лежачих инвалидов ВОВ, находившихся в очень плохих условиях. На мой вопрос: «Почему вы не обращаетесь за помощью?» отвечали: «Ждём». Или молчали... Жёны говорили: «Не хочет унижаться, просить» и показывали ордена и медали.

Все ждали Победу. И наконец, 9 Мая по радио голос Левитана сообщил о капитуляции Германии. Помню, как все радовались, чужие люди обнимались, целовались, ждали родных с фронта...

Первый парад войск Красной армии на Красной площади состоялся 24 июня 1945г. К Мавзолею Ленина были брошены немецкие знамёна. Командовал парадом маршал Константин Рокоссовский, а принимал парад маршал Георгий Жуков. Сталин был на трибуне. Вечером этого дня мы поехали на Красную Площадь, и я видела первый в своей жизни салют. Хорошо помню, как в ночном небе плыл большой аэростат заграждения. Под ним развевалось знамя.

При жизни Сталина Праздник Победы отмечался два раза: в 1946 и в 1947гг. С 1965-го 9 Мая снова стал выходным днём. А начиная с 1995-го, постоянной традицией стало и проведение военных парадов.

В первые годы после войны собирались однополчане, вспоминали и поминали погибших. Но чем больше времени проходит от 9 мая 1945г., тем более пышно отмечается этот день. В мои школьные годы было трудно

уговорить ветеранов выступить в школе. Они не хотели ни вспоминать войну, ни говорить о ней...

Мне несколько странно в последние годы видеть детей, которые 9 Мая одеваются в военную форму.

Некоторые давно прошедшие события вспоминаются ярче, чем недавние. Когда я слышу «Марш славянки», у меня перехватывает горло - я вспоминаю холод, голод, похоронки...

Видя «наряженных» в военную форму детей, хотелось бы у них спросить: «Что вы знаете о Великой Отечественной войне? Знаете, что потери Советского Союза составили 41млн. 976тыс. человек?!».

Наталья Полисар

Старший брат

Великая Отечественная война не оставила равнодушным никого, и мало кого пощадила. Она прошла по судьбам всех советских людей, оставив после себя не только миллионы погибших, но и огромное количество изувеченных физически и с ранами в душе на всю оставшуюся жизнь.

Мой старший брат Михаил был призван на военную службу в 1939г. Он прошёл Новосибирские ускоренные курсы офицерского состава «Выстрел», по окончании которых младшим лейтенантом был направлен в действующую Красную армию ещё до начала Великой Отечественной войны.

Конечно, мой рассказ о нём может иметь неточности, ведь прошло уже с тех пор 80 лет, да и я в то время был совсем ребёнком. Воевал Михаил в пехотных войсках Второго Украинского фронта в должности командира роты, награждён многими орденами и медалями. Его рассказы в письмах о войне были полны героизма и оптимизма в надежде на скорую победу. Закончил войну Миша в Кёнигсберге, затем был направлен комендантом одного из районов Дрездена или Дрезденского округа. В это время он уже был в звании майора.

Наша семья вернулась в родной Харьков из эвакуации в начале 1944г. Мне очень сильно запомнился момент приезда брата к нам в краткосрочный отпуск в начале 1945г. Это было неожиданно для всей семьи. Прибыл Михаил в первой половине дня. В это время я был в школе. Как всегда, после уроков я шёл домой, и вдруг меня подняли вверх чьи-то сильные руки, что очень испугало меня. Ведь ещё продолжались военные действия, на улицах города было беспокойно. Мы жили возле разрушенной немецкой комендатуры, в развалинах которой жители находили действующее оружие и боеприпасы. Отсюда и моя испуганная реакция. Это был, конечно, мой брат. Он на 15 лет старше меня, и всегда оставался для меня образцом для подражания.

Я сейчас хорошо помню его прекрасный подтянутый внешний вид бравого офицера, новенькую офицерскую форму со специфическим её запахом, кожаный ремень и портупею. Детские воспоминания

хранят дразнящий вид спрятанного в буфете под замком, но хорошо различимого через стекло, пистолета в новенькой кобуре и планшетки для офицерских карт.

А дальше были бесконечные рассказы о жизни в землянках, о боевых походах по белорусским болотам, о форсировании под вражеским огнём рек и других преград. Тогда я из первых уст узнал об окопах, землянках, гранатах, пулемётах и других «прелестях» кровавой войны. Конечно, он не всё рассказывал, ведь ещё шла война. И он не хотел расстраивать меня, сестру, родителей. Поскольку сам Миша был очень весёлым и хорошим рассказчиком, он в беседах старался больше шутить. Ему и самому это было очень нужно.

После окончания войны брат демобилизовался в 1946г. и приехал на свою родину в город Харьков.

Леонид Фильштинский

Мои военные воспоминания

До начала Второй Мировой войны у меня было вполне благополучное и спокойное детство, если не считать бегство от гуся, который меня встретил очень недружелюбно в сельской местности и от которого я в панике бежал...

Когда началась война, нас с мамой погрузили в грузовик и отправили из Одессы для начала на Донбасс, а затем поездом на Урал. В районе Мелитополя мы попали под обстрел немецких самолетов, от которых спрятались в кустах и ямах (но я не сильно испугался, не плакал, так как был уже подготовлен к опасностям после встречи с гусём). Конечным пунктом нашей эвакуации оказался городок Абулино в нынешней Оренбургской области. Мама начала там работать в тыловом госпитале, а я оказался вне привычной цивилизации, почти среди дикой природы. Недалеко от дома, где разместились и лаборатория, в которой работала мама, и наше жильё, протекала небольшая живописная речка, росли высокие старые деревья. Там я и научился плавать.

Зимой речка замерзала, и я катался по льду на самодельных деревянных коньках. 1942 год выдался очень снежным и морозным. Чтобы выйти из дома, нашу дверь откапывали соседи. Ходили мы в высоких снежных коридорах. Но нам, мальчишкам, такая зима была в радость. Мы строили большие снежные крепости, воевали снежками, катались на санках и даже на собачьих упряжках по реке. Раньше, живя на Юге, я часто болел, простужался, а на Севере - совсем перестал.

Здесь же я закончил первый класс, причём на «отлично». При этом у меня была одна-единственная книга «Географический атлас мира 1941года». Этот атлас я изучил настолько досконально, что и сейчас могу назвать все крупные горы, реки, моря, озёра, страны и города,

Мне 5 лет

существовавшие на Земном шаре в то время. Я много «путешествовал», вода пальчиком по рекам и морям. И до сих пор ещё мечтаю побывать в джунглях Амазонки, в крайнем случае - на шхерах у Далматинского берега.

Но война продолжалась, и фронт двигался на Запад. В 1943г. наш госпиталь №3317 передислоцировался в город Конотоп Сумской области. Тут обстановка и условия проживания оказались иными, а игры - другими. Мама продолжала работать врачом-лаборантом, и я стал иногда ходить с ней на работу, помощником. Она смотрела в микроскоп и выкрикивала: «Лейкоциты - 3, эритроциты - 2, тромбоциты - ...», а я ставил соответствующее количество палочек в нужную строчку. Получались картинки: палочки, треугольники, квадратики. Потом в конце работы по каждому анализу мама подсчитывала общее количество названных элементов в крови.

Кроме того, я болтался на турнике вместе с выздоравливающими бойцами, а вечером ходил в госпитальный клуб и смотрел трофейные немецкие кинофильмы: «Девушка моей мечты», «Сестра его дворецкого», «Джордж из Динки-джаза»... Естественно, что такие фильмы были для меня, девятилетнего, потрясением.

Дома я с удовольствием играл с козами, собаками и другой живностью, которая «проживала» в нашем большом дворе. Но как только за забором из соседнего двора раздавался громкий смех, я немедленно бежал смотреть через заборные щели, как там прыгала на скакалке девчонка по имени Верка. При этом она громко смеялась, а короткие косички смешно прыгали у её носа.

С другой стороны нашего двора за забором ничего интересного не происходило. Но был один случай, который я запомнил навсегда. К соседке приехал в отпуск сын с фронта. По этому поводу она хотела зарезать петуха, но её сын сказал, что этого делать не надо. Он вышел во двор, достал из кобуры пистолет, прицелился и выстрелил. Голова петуха упала на бок, но сам он не упал, а быстро побежал по двору, оставляя след крови, причём бегал долго. Эта увиденная мною смерть произвела на меня большое впечатление и запомнилась навсегда.

По мере освоения на новом месте у меня появились друзья и знакомые. В то время среди мальчишек были популярными игры в войну - «немцы и русские», по типу «двор на двор». Оружие, использовавшееся в этих играх, соответствовало времени: самодельные пороховые гранаты, сигнальные ракеты, некоторые детали машин и даже самолётов. Оружие добывалось без боёв - походами за город, где было и «самолётное кладбище», и кучи пороха, и множество разбитых автомашин. Маленькие мальчишки, вроде меня, пользовались мелкими орудиями войны, например, «шихтовкой» - пластинами, добытыми из электродвигателей самолётов. Они хорошо летали по воздуху при броске от «двора до двора». Однажды во время такого «боя» пластина остановилась на моей

голове и рассекла кожу до крови. Что было с моей мамой - не описать!

У старших были более серьёзные «игры». Например, ночью влезть на крышу и всыпать в дымовую трубу порох. Утром при зажигании плиты раздавался взрыв. Вообще, с порохом делали много «игрушек»...

А ещё такое было развлечение: взрывание неразорвавшихся снарядов.

При одном таком, увы, трагическом случае я сам присутствовал. Кто-то нашёл маленький, красного цвета, целый снаряд и решил его взорвать. Нас, нескольких мальчишек, он пригласил посмотреть. В воронку, яму от предыдущего какого-то взрыва, мы набросали соломы, хвороста, туда же бросили этот снаряд и горящую спичку. А сами убежали и спрятались. Но взрыва не последовало. Подождав минут пятнадцать, наш «руководитель работ» объявил, что снаряд был отсыревшим, и можно возвращаться к яме. В это время мама позвала меня обедать. И я побежал домой. А наш дом находился совсем близко от места событий, метрах в ста. На полдороге я услышал за спиной взрыв и громкие крики. Всё поняв, побежал назад к ребятам. То, что я увидел, - не забуду никогда. Самый младший из нас, по прозвищу Пузик, лежал с развороченным животом, другой - с окровавленными ногами. Остальные тоже пострадали, но они стояли дальше, а эти двое сели и свесили ноги над ямой...

Так я увидел смерть не петуха, а уже человека.

У некоторых мальчишек водилось солидное вооружение - автоматы, винтовки, советские и немецкие пистолеты. У меня были: обрез (автомат без приклада); пистолет советский ТТ, нерабочий; пистолет немецкий с красивой перламутровой рукояткой, дамский.

Самый вооружённый был и самым уважаемым. Таким, как мне казалось, являлся пятнадцатилетний мальчишка по фамилии Самойлович, не помню точно имени. У него была и своя компания - «шпана», как её называли. Там было очень интересно: играли в карты, обменивались оружием, рассказывали о подвигах. Попасть в «шпану» было нелегко. Когда я попытался, то Самойлович сразу заподозрил во мне еврея, то есть чуждый элемент. Тому было основание. К нам в гости заходил завхоз госпиталя, весьма похожий на еврея (он и был евреем). Я совершенно не знал и не мог знать, какой я национальности. Мама, убеждённая комсомолка, строительница нового общества, никогда со мной не говорила на эту тему. Поэтому я со спокойной совестью заявил, что я не еврей, и стал вхож в «шпану». Так я приобрёл кое-что из оружия, научился играть в «очко» - правда, по мелочи.

Далеко не еврей, Самойлович был весьма смекалистым парнишкой: он заключил договор с вновь созданным колхозом на чистку и купание лошадей. Разумеется, за денежное вознаграждение. Для выполнения этих работ он привлекал участников своей «шпаны». Туда попал и я. Для этого обучился залезать на лошадь и немного ездить на ней - с расчётом в будущем на более трудные работы. Однажды нам поручили поехать с лошадьми (мы их всех

называли «конями») в «ночное» на большую речку Сейм в нескольких километрах от нашего города. Мы провели ночь в шалаше, а утром пошли купать коней. Рассвет, зеркало реки, камыши - всё было замечательно, красиво! Может быть, тогда во мне проснулся художник?! Никаких денег я, конечно, не получил, но был всё равно очень доволен «ночным». Скоро наступило 9 мая - День Победы. Радость людей не описать, ходили из дома в дом и поздравляли друг друга, многие плакали. Я радовался вместе с мамой и всеми, но было и немного грустно расставаться: с друзьями, с бойцами в госпитале, с кинофильмами, с девчонкой Веркой со смешными косичками...

Александр Смык

Памяти павших будем достойны!

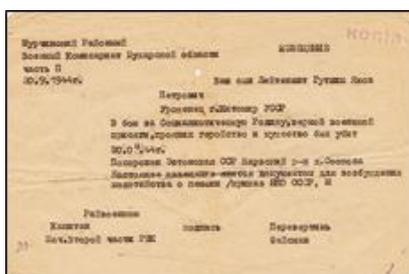
Как часто мы встречаем в книгах эту фразу! Хочется жить с Надеждой, что Подвиг и Жертвы павших были не напрасны.

Надежда... Живу надеждой, надеюсь на лучшее будущее (и обязательно на лучшее, так как худшее само найдёт, на него и надеяться не надо).

Вера... Без неё не обходится ни один день. «Верю, я тебе верю», - говорят влюблённые; «Я хочу тебе верить», - говорят супруги друг другу; «Я верю тебе», - говорит мама, когда ребёнок обещает больше никогда не шалить.

Жизнь... Единое целое, в котором Вера и Надежда соприкасаются. Можно много говорить об этом, писать прозу и стихи...

Моё детство прошло приблизительно в такой тональности. Шли годы, росло окружение, менялись события и люди. Кто-то стоял у власти, кто-то плавил металл, а кто-то во всё горло кричал: «Будь готов!». Но было до этого и другое время, военное, в котором жили моя бабушка, моя мама и семья, которая лишь в будущем станет моей.

Похоронка на Якова

погибших дядей Якова и Пейсаха Гутников. Яков в 20 лет ушёл на фронт, хотя имел бронь, и погиб. Уже позже, в Литве была найдена братская могила, в которой он похоронен. Думаю, в свои 20 лет он знал о Литве немного. И уж точно не знал, что именно там ему суждено погибнуть.

Пейсах ушёл на фронт 22-летним. И через полгода после начала войны моя бабушка получила известие о том, что он пропал без вести. У меня сохранился этот документ. Я берегу его и передам своему сыну. Уже позже, когда я искала его в немецких архивах как

пропавшего без вести, оказалось, что он числился под именем Пётр. Все мы, конечно же, понимаем - почему. Я его нашла после долгих лет поиска в Актах Красного Креста, написанных на немецком языке очень аккуратным почерком. Я узнала, что он попал в плен и умер в госпитале уже после окончания войны.

Оба брата были представлены к наградам.

Честно говоря, я бы поменяла эти награды на многолюдное застолье с ними в Песах, на ументаша в Пурим, на халы в Шабат, на их детей и внуков...

Но жизнь распорядилась по-другому. Не справедливо. «Какая справедливость, - скажете, - 41 миллион 979 тысяч несправедливостей!».

Но... «память бережно хранит»...

Сейчас, конечно, не самые лучшие времена. Коронавирус - один из самых серьёзных вызовов человечеству с момента Великой Отечественной войны. И мы слушаем последние сводки, как с передовой. Как правило, при таких инфекциях происходят определённые мутации, и со временем патогенность вируса снижается. В итоге, либо мы забудем о коронавирусной инфекции, либо она у нас приживётся, и с ней придётся «договариваться».

В общем, как говорят учёные, вирусы «не заинтересованы» в смерти заражённого человека. А, наоборот, - в том, чтобы мы как можно больше их распространяли.

Поэтому обратите, пожалуйста, внимание на здоровье ваших близких, которые находятся в группе риска. Не кормите их сладостями, не позволяйте, по мере возможности, ездить в общественном транспорте. Сделайте всё, чтобы старшие члены вашей семьи меньше контактировали с внуками, не заражались от них, иначе, как написано выше, «лишь память будет бережно хранить» в ваших внуках воспоминания о вас.

Людмила Берибес

Моя семья

Я родился 14-го октября 1947 года в городе Баку, как и многие бакинцы, в смешанной семье. Баку в те годы был большим промышленным центром и многонациональным городом, куда съехались в течение первой половины двадцатого века жители различных регионов Российской империи, а затем и Советского союза.

Мой отец, Алиев Гусейн Исламович, азербайджанец, был родом из простой крестьянской семьи. Он родился на юге Азербайджана, в Нахичеванской области, в большом селе Яйджи на границе с Ираном. С раннего детства, а оно у моего отца было очень нелёгким, папа был весьма любознательным ребёнком, обладавшим большими способностями. В пять лет он остался без матери и рос в

*Яков и Пейсах Гутники.
Перед войной*

новой семье своего отца, который привёл в дом мачеху. Поэтому он рано ушёл из дома и поступил в Педагогический техникум в городе Нахичевань, после окончания которого некоторое время преподавал в школе своего родного села физику и математику. Среди его учеников был и будущий президент независимого Азербайджана Гейдар Алиев. Папа имел прекрасные художественные способности и часто рисовал пейзажи в окрестностях села вместе со своим другом, старшим братом Гейдара.

Позже они вдвоём поехали учиться в Москву по направлению от Наркомпроса Азербайджана. Папа поступил на физический факультет 2-го МГУ, а его друг решил стать химиком.

Там, в Москве, папа и познакомился с моей мамой - Алиевой (Акодес) Любовью Алексеевной, студенткой филологического факультета, приехавшей по комсомольской путёвке на учёбу в Москву из городка Дрисса, который находился в Витебской области, недалеко от Полоцка.

После окончания школы мама три года проработала по направлению Наркомпроса Белоруссии в глухой белорусской деревне и выпустила три ликбеза (школы по ликвидации неграмотности), за что и была направлена на учёбу в Москву. Городок Дрисса (ныне Верхнедвинск) был тогда большим еврейским штетлом (мама мне рассказывала, что там до войны было десять синагог). Поэтому она прекрасно знала идиш. И ещё немецкий. Она так же, как и папа, в пять лет осиротела, когда при родах её брата Соломона умерла мама. И у неё была мачеха из Риги, которая прекрасно говорила на идиш, а также на немецком, так как в Риге в те годы жило много немцев.

Папа с мамой поженились на втором курсе, а на третьем у них родился мой старший брат Рудольф. Это были очень голодные годы, в стране шла коллективизация, и даже в Москве было плохо с продуктами. Папа, чтобы прокормить семью, подрабатывал то на разгрузке вагонов, то рисовал афиши в кинотеатрах.

С ребёнком на руках они в 1934г. окончили университет и были распределены в Закавказскую федерацию, в район Батуми, столицу Аджарии. Там они преподавали в Тюркском педтехникуме: папа был назначен его директором и преподавал физику, а мама вела занятия по русскому языку и литературе. В те годы эти места были одним из очагов малярии, и вся семья переболела этой болезнью.

В 1936г. папу перевели в Тбилиси, где он стал преподавателем физики и электротехники в одном из ВУЗов города. А мама преподавала в одной из школ русский язык и литературу. В Тбилиси у них родился мой второй старший брат Лёва.

Папа тем временем стал деканом одного из факультетов, а перед самой войной - и ректором института. Он имел броню, но сумел добиться отправки на фронт и воевал в составе 223-й стрелковой дивизии. Принимал участие в битве за Кавказ, в которой удалось остановить продвижение

фашистских орд в направлении Баку, где тогда были главные запасы нефти нашей страны.

Затем их дивизия принимала участие в Сталинградской битве и в боях за освобождение Украины. Там папа был тяжело ранен и почти год пролежал в госпитале в городе Молотов (ныне Пермь), где его спасли врачи, собрав буквально по кускам переломанные в разных местах руки и ноги. После выписки из госпиталя он ещё долго ходил на костылях и получил инвалидность 2-й группы (у него до конца жизни одна нога была короче другой, и он ходил прихрамывая).

Папа просил отправить его на фронт в родную дивизию, но медкомиссия не дала разрешение, и его направили в группу советских войск в Иране, которая прикрывала бакинские нефтепромыслы с юга, согласно договору с Ираном от 1921г.

После войны наши войска были выведены из Ирана, и папу направили на военкоматскую работу (обычная в те годы практика использования фронтовиков-инвалидов). Папа просил уволить его из армии, так как хотел вернуться к преподавательской и научной работе, но ему сказали, что в армии, мол, тоже нужны образованные люди. На этой работе папа прошёл путь от райвоенкома до военкома Азербайджана (на этот пост его назначил МО СССР маршал Жуков Г.К. после собеседования в Москве, присвоив папе своим приказом воинское звание полковника).

Мама в годы войны жила с двумя моими братьями в Тбилиси и работала в университете. Было очень голодно. Единственной подкормкой в те годы являлись мандарины, которые не на чем было вывозить из Грузии и которые всем детям давали в школе - по небольшому мешочку каждый месяц. Мамин брат и мой дядя Соломон был призван в армию ещё до войны. Он прошёл всю войну и, вернувшись в Дриссу, нашёл на месте дома пепелище, а его жена и трое детей были убиты в гетто.

После войны папу перевели в Баку, и мама с братьями переехали к нему. Там в Баку и родились мы с моей сестрой-двойняшкой Фридой. До этого у мамы с папой уже родились две девочки-двойняшки, но в голодные послевоенные годы они прожили всего две недели. Если бы они выжили, то может быть нас с Фридой и не было (и вы не смогли бы прочесть эти воспоминания).

Мы с сестрой вначале тоже были очень слабые, особенно сестра, которая первые годы жизни провела в больнице из-за сильного рахита. Я тоже им страдал, но не в такой

Мой папа

Моя мама

тяжёлой форме. Помню, как папа толлок нам в ступке яичную скорлупу, и мама нам её давала. А для лучшего усвоения мы пили рыбий жир, закусывая кусочком чёрного хлеба с солёным огурчиком. Иначе этот рыбий жир не лез в горло.

С четырьмя детьми было трудно, и мама перестала работать, став домохозяйкой. Только какое-то время преподавала на курсах немецкого языка в бакинском окружном Доме офицеров.

После выхода в отставку папа был приглашён на работу в АН Азербайджана начальником научно-организационного отдела Президиума АН. Там он проработал до января 1984г. При нём этот отдел был признан лучшим в СССР среди таких же отделов АН союзных республик.

Папа также вёл и большую общественную работу на посту ответственного секретаря КВВ (Комитета Ветеранов Войны) Азербайджана. Он был членом президиума Комитета Ветеранов Войны СССР и часто бывал в Москве на пленумах КВВ СССР. Хорошо знал многих советских ветеранов, в частности, дружил с ответственным секретарём КВВ СССР Алексеем Маресьевым. Ездил с делегацией КВВ Азербайджана по стране и выступал с рассказами о ВОВ.

Мама обеспечивала папе тыл и все силы отдавала воспитанию детей.

Она была верующей, ходила в синагогу и соблюдала обычаи иудаизма. Всей семьёй, вместе с папой, мы праздновали Песах, к которому мама всегда покупала мацу и готовила много вкусных еврейских блюд; Пурим, на который она пекла прекрасные «хоменташен», и другие еврейские праздники.

А папа усаживал нас за стол с восточными сладостями 21 Марта на «Новруз байрам» - Новый год по мусульманскому календарю, который широко отмечался в Азербайджане, и мы всей семьёй пили чай.

В 1983г. у папы обострилось заболевание ног (следствие тяжёлых ранений на фронте), и он ушёл на пенсию. У него началась диабетическая гангрена ног, жизнь ему спасли, но ноги пришлось ампутировать. Так что последние годы жизни мои родители провели со мной в Москве, где они и похоронены на воинском участке Хованского кладбища.

Папа умер на моих руках в конце 1986г. Хоронили его с воинскими почестями в сопровождении почётного караула, и гроб опускали под трёхкратный салют и гимн СССР в исполнении военного оркестра. Мы все, дети и родственники, несли его награды на красных подушечках.

Мама умерла также на моих руках 2 февраля 1989г. от остановки сердца, и я похоронил её рядом с папой согласно еврейским обычаям, в чём мне помогли в Московской хоральной синагоге.

Интересно, что (как я потом через много лет узнал из Интернета), она умерла в тот же день, когда было уничтожено фашистами дриссенское гетто, в котором погибли её отец и мачеха 2 февраля 1942г.

Мама всегда отмечала йорцайт (годовщину смерти) своих родителей, и я продолжаю эту семейную традицию.

Мои родители прожили вместе 55 лет, и я всегда буду хранить их образ в своей Памяти. Они вырастили четырёх детей.

Самый старший Рудольф стал инженером-геофизиком, много лет работал во ВНИИ «Геофизика» в Москве. Умер в 2005г.

Средний брат Лёва стал военным инженером в области ракетной электроники и много лет проработал на космодроме Байконур, участвовал в запусках первых космических кораблей, знал Гагарина и многих других космонавтов. Последние годы преподавал в Высшем военно-инженерном институте в Минске, который в своё время с отличием закончил. Лёва умер в 2008г.

Остались мы с сестрой Фридой, которая окончила Бакинскую консерваторию по специальности дирижёр хора и много лет преподавала фортепьяно и дирижирование в различных городах Азербайджана и Советского Союза. Сейчас она живёт с мужем и сыном в Лейпциге.

Ну а я после окончания с серебряной медалью средней школы в Баку поступил на физический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова и окончил его по специальности теоретическая физика и прикладная математика с программированием.

После аспирантуры защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук, исполнив тем самым мечту моего отца, которому помешала проклятая война с фашизмом.

Много лет я работал в различных НИИ в Москве в должности научного и старшего научного сотрудника. Преподавал в московских ВУЗах физику и высшую математику в должности доцента, а потом и профессора.

Я всегда буду помнить об отце и обо всех ветеранах, благодаря которым мы все сейчас живём и имеем возможность видеть мирное небо над головой, работать и растить детей.

Ну а праздник Победы 9 Мая для меня был, остаётся и будет самым святым днём в году.

Профессор Алиев Борис Гусейнович

**Издатель:
ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР «ГЛОБУС»**

**Редакционная коллегия:
Светлана Бараненко, Людмила Берибес,
Галина Шаат-Шнайдер
Адрес: Jägerstr. 1, 09111 Chemnitz
Телефон: 0371-2400596, 0176-42958627
E-Mail: i-z.globus@web.de
Web: www.globus-chemnitz.de**

Редакция не несёт ответственности за содержание статей и не всегда разделяет мнение авторов.